

Об одной частной проблеме защиты языка абазин

Муртазов Тимур Амербиевич

Словарный состав любого языка отражает места и условия жизни народа, уровень его развития, характер и приоритетность занятий, также сохранность его лексикона. И всё это при анализе даёт картину этногенеза его носителей, распределённых в фазах пространства и времени. Учитывая то, что абазинский язык относится к одним из самых архаичных живых языков планеты, ожидалось бы обилие древних слов в активном фонде словарного состава. Но в языке абазин отмечается другое – ошибочное отнесение к заимствованным многих коренных слов из его базовой лексики.

Начиная от далёких предков (ашуйцы, кашки, атыхи, позже – абазги и адыги) коренных жителей Кавказа (около 3,5 тыс. лет), эти общины развивались совместно, в дальнейшем – в параллельных, когда и перекрёстных процессах. В этих актах сформировались условия для рождения абхазо-адыгской группы языков с их уникальными линиями – *адыгской* и *абазгской*.

Об этом говорит сравнительно-исторический анализ этих языков, где выявляется значимое согласие бытового лексикона, наряду с чем – несогласованность названий видов фауны и флоры. Значимо и количество слов, неопределимых в конкретике происхождения, относимое к общему полю протоязыка абхазо-адыгской группы языков. Немало накоплено в лексиконах, относимых лишь к одному из этих языков.

В наши дни, по стечению множества негативных обстоятельств, ощущается кризис в абазинском языке и опасное устремление его к фазе увядания. Активных факторов такого негативного развития в избытке, рассмотрим один из них: утрата древнего, но ещё живого слоя лексикостатики, с проникновением сюда внешних заимствований без обратной связи. Это сфера *экологии языка* – намеренное взаимодействие между языками с целью сохранения их многообразия.

Многие слова из утрачиваемых в активной речи абазинского языка, в прошлом из единого базового фонда абхазо-адыгской группы языков, сохранились в виде архаизмов в родственных языках адыгов и абхазов. В точности это лексическое поле автохтонных языков северо-западного Кавказа – абхазско-абазинского и адыгейско-кабардинского, независимое в происхождении от любого из них, относясь к языковому групповому фонду.

К великому сожалению, ни в одном из словарей абазинского языка не зафиксированы приведённые истины этногенеза и лингвогенеза, с пагубой ещё в видовой недостаточности самих словарей. Фиксируется многолетний застой в их разработках. Их слабый текстовый состав показывает акты отторжения многих слоёв диалектизмов и разговорных элементов языка; также отсутствия новых слов социальной и общественно-экономической действительности. Это уже другая проблема, близкая предыдущей, решаемая

в сфере *эколингвистики* – отображения связей внешней и внутренней природы человека с полнотой его языка.

Противоречивое чувство вызывает позиция лингвистов, лишаящих самостоятельности древний слой языка абазин, переводя его в сомнительный статус – заимствованные. Однако языки, откуда они вроде бы заимствованы, в древности были родными, бытуя в обобществлённом виде до раннего средневековья в виде протоязыка абхазо-адыгов. Чтобы указать однозначно лексическое заимствование между родственными языками, необходимо привлечь новое направление лингвистики – *компаративистика*, используя сравнительно-исторический анализ.

Обнаруживается слабое понимание некоторыми сути диглоссии: бытования двух форм одного протоязыка прошлого – абаскско-зихского; перерождённого со временем в абхазо-адыгский, с групповыми признаками; последующего формирования оттуда этнических языков – абхазов (абазин) и адыгов. Игнорируются выводы теории языкознания, где опираются на их родственные связи и их общности. Иначе знали бы, что сколько адыгизмов в абазинском языке, – столько же абазинизмов в адыгских!

Это истинный принцип отношений этих языков. Поэтому нельзя игнорировать глубину времени начала общего с адыгами протоязыка и состояние его наследия в наши дни, неравномерно распределённого между ними. Необходимо отмечать связи предкового и действующего языка абазин, идущих тысячелетия от сино-кавказской макросемьи языков.

В накопленных знаниях наук о носителях протоязыка отмечается присутствие условий синхронности процессов лингвогенеза, смежности территорий их этногенеза, непрерывности и длительности периодов их межплеменных связей. Собственно, в этом суть проблемы – что мы ставим «во главу угла»: 1) рассматривать их неразделимо по фактам их истории и культуры; 2) провести по линейке границы территорий размещения языков и этносов. В первом случае проблема научная – этногенез и лингвогенез; во втором – политическая, на грани национализма.

Некоторые оппоненты их разделяют даже по банальным признакам: «кто у кого взял больше», с известным для них ответом – это абазины. Скорее, они опираются на события времён «ревизских сказок» (19 век), когда абазин растворяли в переписях среди кабардинцев вплоть до начала 20 века, что многие абазины стали называть себя «адыгья», занижая роль своего народа в истории семьи языков и их культуры.

Что касается сохранения архаичного пласта языка, то в его лексиконе со временем утрачиваются многие его элементы естественным образом – это исконно древние слова, перешедшие к статусу историзмы вслед за исчезнувшими названиями уже не используемых предметов обихода. Однако надвигается другая беда: переход оставшегося фонда к стадии архаизмы – названиям, ещё соответствующим элементам материального мира, но, отнесёнными по недоразумению к заимствованным от соседних этносов.

Видно, что если не остановить тенденцию, то недалеко время, когда дело дойдёт до потери легитимности абазинского языка, обезличивания и истории

его носителей – непротиворечивой целостности развития этих этносов с древним началом. Недостаточно смотреть лишь на состояние языков сегодняшнего дня, отвергая не понятую некоторым истину об их историческом пути – связей подвижных участников в совместных многофакторных процессах развития: от их рождения до дней недавних.

Нельзя без сарказма оценивать тех, кто становится преградой на пути восстановления историзмов и архаизмов, как наследие тех времён, общего поля глосс – обобществлённых базовых слов от периода антики, утаенного в активном фонде абазинского языка. Именно этим стародавним словам, присутствующим в абхазско-абазинском или кабардино-черкесском и адыгейском языках, можно восстановить чистоту звучания любого из этих языков, равных по древности генезиса. Носители абазинского языка вправе пользоваться ими равно со всеми, полнотой архаики древнего языка.

Декларируется истина, что они были едины в целостной культуре, лишь позже стали расходиться (начиная со II тыс. до н.э.). Многие слова из далёкой старины, отображающие элементы быта в данных языках сохранились в единой базе лексикостатики и были активны до недавнего времени. Они общий фонд базового языка – осколки изначальной речи сино-кавказского праязыка, куда относят абхазо-адыгские языки, игнорируемый ими.

Тысячелетние события этногенеза раскрылись таким образом, что один из многочисленных в прошлом этносов среди братских народов – абазины (абаски, абазги), стали самыми малочисленными среди носителей живых языков семьи. Его малочисленность и разбросанность среди окружающих народов стали причиной утраты многого из прошлого богатства в его языке и в его культуре, отнесённых без анализа к чужому богатству.

Действительно претерпели утраты, но это не окончательный исход! Поэтому ставится цель – возрождение абазинского языка путём реставрации архаизмов, допуская при этом использование древней элементной базы единства языков братских народов, как их общее наследие. Этим сближая вновь базовую часть их лексиконов, что не ущемляет полноту лексики какой-либо из сторон.

Абазинский язык современности – это собственное наследие, наряду с накоплениями от многовековых связей: абхазо-адыгского и кабардино-черкесского языков. Сам язык выступал во многих случаях собирателем их в целостность своим присутствием, даже растворённом в них. Это когда отвергается немалое его богатство в прошлом, с готовностью уступая это состояние соседям. Которые, впрочем, не нуждаются ни в чьих услугах – они сами массово этим занимаются. Настоящим отнимается прошлое языков, разрушаются они вместе, переориентируя с этим и национальное самосознание у будущего потомства абхазо-адыгов.

Тенденции эти нарастают и могут привести к утрате легитимности языка, искусственно огороженного от взаимного и общего влияния. Опасаться надо грозных тенденций билингвизма, захватывающих уже все эти языки, не только один абазинский. Здесь поджидает ловушка для всех нас – будет доминировать

в быту уже язык большинства из окружающих народов, постороннего в отношении абхазо-адыгских языков.

Выстроено мало заграждений перед широко открытыми воротами, откуда проникает много внешнего, чаще чужого наслоения языков. Без естественной подпитки языков в поле родственности трудно сохранить в перспективе наши языки. Вернуться необходимо к тому, что наши общие предки, выбирали в общении воссоединяющие мотивы, дополняя их обобществлёнными словами общего обихода.

Их-то как раз не отметили, как общее достояние, в абазинских словарях. Начиная с русско-абазинского словаря 1956 года под редакцией Х.Д. Жирова и Н.Б. Экбы, где они отсутствуют даже под видом «адыгизмы». (То же самое и во втором издании 2018 г.). Далее – во всех словарях, касающихся абазинского языка (под редакциями В.Б. Тугова, Н.Т. Табуловой, Р.Н. Клычева, С.У. Пазова и П.И. Лафишева), они не выделяются никак.

Везде в словарях не указываются, ни «заимствованные», ни «чужие», по умолчанию допуская их однозначное отнесение лишь к абазинскому лексикону. Одновременно, многое из того, что не воспринимается кем-то как абазинское, предлагают отнести просто к адыгизмам. Это когда во многих работах известных кавказоведов, описавших состояние многовековых этнокультурных контактов абазин с адыгами и абхазами в параллельных и перекрёстных процессах конвергенций языков, отмечают логическое однообразие наследуемого лексикона абхазо-адыгских языков и наличие параллелей слов в этих языках, и даже их обобществление

Например, к ним относятся работы таких специалистов: А.Н. Генко, К.С. Шакрыл, Ю.Н. Воронов, Н.Б. Экба, В.А. Амичба, Г.В. Рogaва, Б.Х. Балкаров, Х.Б. Бгажноков, Г.Х. Мамбетов, Х.М. Думанов, З.П. Кардангушев, А.И. Мусукаев, Г.В. Смыр, Т.Х. Халпад, А.И. Абдоков, Р.А. Мамхегова, С.Х. Ионова и др. Они – историки, этнографы, фольклористы, культурологи и поэты – без националистических пристрастий отметили сросшиеся фонды языковых пластов во многих областях их лингвокультуры.

Любой другой подход ущемляет историческую ценность абазинского языка и его роль в собирании языков абхазов и адыгов в единство групповых признаков – «абхазо-адыгские языки». Лишь язык абазин, живших в Приморье и Северном Кавказе, при многих переселениях его носителей в обе стороны Кавказского Хребта, находясь во взаимной понятности повсюду, во многом склеивал веками расходившиеся языки абхазов и всех линий адыгов, не давая окончательно разорваться им на мелкие осколки и исчезнуть.

В процессе чего немало вошло в языки из обобществляемого ими фонда, они перерабатывались там и становились «родными». Многие столетия они таким образом вновь и вновь сплавляли их языки культуры. Лишь в 18-19 веках абазины стали терять многие пласты своей исторической культуры, особенно с конца 19 и начала 20 веков, в результате войны на уничтожение и их рассеяния. Отчего уникальная абхазо-адыгская культура сохранилась в основном в двух центрах: Абхазии и Кабарде. В других местах утратила много

из своей лингвокультуры, приведя к отдалению адыгейцев от кабардинцев, абазин от абхазов.

Между тем, в истории отсутствуют факты переходов кабардинцев в Абхазию для жительства: ни массово, даже небольшими группами. И абхазы не приходили в Кабарду, ни в антике, ни в годы средневековья. Это осуществляли подвижные адыгско-абазинские общины Побережья и северо-западного Кавказа, цементируя братство, сплаваясь тесно между собой.

Именно они многим пожертвовали, утратили своё уникальное начало во многих сферах бытия, впитали уже новые пласты в новых конгломерациях этносов. В этих процессах абазинские общины потеряли, рассеяли больше своего, чем другие, и эти части закрепились у других, и любое применение именно этих слов оппоненты относят легкомысленно к заимствованным – «адыгизмам».

Перед нами остро встали проблемы сохранения своих языков, на базе возрождения общей культуры, против чего завуалировано, но активно, выступают названные лингвисты. Наряду с «патриотами», относящими себя к «другой стороне», настроенные «не отдать ни пяди своей собственной». Их не волнует древность общности языков, вписанных в закономерность – взаимное равенство заимствований в двух линиях языков абхазо-адыгов.

При молчании культурной элиты абазин стали звучать негативные оценки их соседей, несущих явно националистический оттенок. Уже говорят об отсутствии вообще самостоятельного языка абазин, относя его к любой ветви абхазо-адыгской группы языков, только не к его уникальности. И с недавнего прошлого договорись до того, что абазинские общности отнесли к «чистым» адыгам. Правда, с этим они опоздали, их уже давно опередили грузины, относя абазинские общности – предков абазин, к «чистым грузинам».

Выход из естественного (искусственного) тупика на пути сохранения языка абазин с другими языками группы видится в обращении к культурным корням народа. Научным и культурным деятелям народа предстоит отойти от неудачных стандартов *соцреализма*: исправить ошибочные образцы грамматики, при переводе народной речи в литературный язык; избавиться от недопустимых фактов формирования алфавита; расширить существующие и создать новые словари – этимологические и толковые.

В рамках старой школы вернуться к научному подходу Р.Н. Клычева – ведущему абазинскому языковеду, специалисту по словообразованию, морфологии и диалектологии, наставнику многих учёных. Например, к его сопоставительному анализу абхазского и абазинского языков, откуда выводил он факты их лингвогенеза. В сфере грамматики – к идеям крупного поэта Микаэля Чикатуева, говорившего о несоответствии письменной и устной речи, также использования слов (народных и неологизмов), вписывая их в современность и предназначая к будущему существованию.

И в этих направлениях рассмотреть пути сохранения и развития языка в рамках культурной *парадигмы* наследственных пластов прошлого. Иначе, придётся признать утверждение «сторонних», будто факта исторической и

культурной ничтожности языка абазин и отсутствия истории у его носителей, представляемых ими отроутками от «больших соседей».

Весь этот обман исчерпал себя до дна уже давно, тем не менее он живуч стараниями людей, втягивающих в ложный путь всё новые и новые поколения, вслед за ними предопределяя печальную перспективу языку и этносу абазин. Заметна до «зубной боли» безразличная отрешённость оппонентов: внешних и внутренних недоброжелателей, которые кроме негатива не приложили стараний к научному развитию культуры абазин.

Обратимся к новым парадигмам языкознания – *этнофутуризму*, модели рациональной деятельности в части лингвогенеза, ориентированной на особенностях родного языка, где представлены архаизмы, относимые к глубине времён общей лексикостатики семьи языков. И здесь привести в соответствие действительное с желаемым – восстановление и сохранение древней архаики языка.

Так, на Кавказе у многих этносов возрождается изумительная старина в речи широкого фона глосс, в рамках лексического поля семьи языков. Например, единый словарный фонд тюркского языка – около 5 тыс. общих слов, входит в словари многих тюркских народов, как и в карачаево-балкарский (составляющий 30 тыс. слов). У культурных лидеров тех народов отсутствует сомнения в величии своего языка и глубине истории каждого из них, распределённых во времени на тысячелетия, и пространстве Евразии – удалённых на тысячи километров.

Не то, что у абазин, где наблюдается пугающее безразличие элитарных групп относительно истории народа, кому они призваны служить. Не интересно им вообще изыскание глубин времён происхождения этноса и его языка, оставаясь лишь на поверхности ошибок прошлого века, когда создали письменность. И народ проявляет равнодушие, оставаясь в самодовольстве от основного абазинско-русского словаря, где из объявленных 14 тыс. слов, в реальности менее 11 тыс. абазинских, не то, что у всех соседей (у каждого из них более 30 тыс. слов в словарях).

Обиходный лексикон устной речи абазинского языка составляет значительно больше отображённого (см. Орфографический словарь Н. Табуловой, около 40 тыс. слов). Кроме того, поле лексикостатики абхазо-адыгских языков – около 500 сохранённых общих слов, равноправных в свободном применении в каждом из этих языков, которые могут стать активным фондом и в абазинских словарях. В абхазско-русском словаре (В.А. Касландзия) около 30 тыс. абхазских слов, многие из которых до сих пор относимы к абазинскому языку, формально отсутствуя при этом в их языке. На основе научного анализа их можно отобразить в абазинских словарях, доведя объём до более чем 30 тыс. слов.

Нет возражений против того, чтобы при этимологизации многих слов активного фонда лексики абазин, в виде древних слов или даже неологизмов, обозначали бы их адыгско-черкесскую принадлежность (и не только), начиная со словарей, если они имеют место быть. Всё остальное – это абхазско-абазинский фонд, имеющий общие точки исхода из прошлого!

В этой части самобытно ценны исследования лингвистов и историков, привнесших вклад в создание абазинской письменности (Т.З. Табулов, Х.Д. Жиров, А.Б. Курчев, Д.И. Агирбов, М.М. Малхозов и др.). Первое специальное исследование абазинской грамматики, написанное абазинами, это «Очерк абазинского языка» (Р.Н. Клычев, Н.Т. Табулова-Мальбахова. 1967 г.). Позже были работы по синтаксическому разбору (С.У. Пазов, Л.К. Пазова), грамматического разбора (Н.Т. Табулова), грамматике абазинского языка (Н.У. Лихова), и некоторые другие из этого ряда.

В настоящее время изучением проблем абазинского языка занимаются С.У. Пазов, А.М. Джандаров, Б.М. Хасароков, С.И. Ионова, П.К. Чекалов и др. С недавнего времени проявили интерес к абхазско-абазинскому языку исследователи Канады и США Джон Каларуссо, Кэльверт Уоткинс, Вильям Аллен, Брайан О'Херин, А. Коллауц, и др. Данные работы, оставаясь в рамках классической филологии, не рассматривали и ныне не исследуют назначенные выше цели – отнесения языка протоабасков (абазгов, апсиллов) то ли к иберийско-кавказской семье, или же к сино-кавказской макросемье.

Многие другие работы по абазинскому языку не обогащают сам язык, фиксируя лишь то, что осталось после многих исторических катаклизмов с этносом и языком абазин. При этом, относя пласты абазинского лексикона к заимствованным, замалчивают о том, что многие из выбранных ими слов касаются речи, зависимой только от говорящего, а не от языка всего народа, который как раз слабо зафиксирован.

Подобный слой языка пробуждён в недавние времена от событий принудительного движения народов, схождения и расхождения их языков, где возник пласт лексики людей, чаще оторванных от основного потока, и живущих в соседской среде. Теперь же, стараниями пуристов – людей с истеричной требовательностью к «чистоте» канонов языков. Ими же подобный фонд абазинского языка предлагается замещать адыгскими словами, когда надо было восстановить его базовую лексику.

Переходной межъязыковой фонд стал формироваться издревле, скорее с 5 в. н.э., когда, после ухода гуннов и части алан на Запад, на северо-западном побережье Кавказа (регион Тамани) закрепился союз абазгов (юго-восток), зихов (центральные области) и касогов (северо-восток). Они создали именно тот слой ареальной непрерывности языков. В XI веке начинаются их массовые возвратно-поступательные движения, связанные с резкими потеплениями, за ними и похолоданиями: часть адыгских племён продвинулась к предгорьям дальше на восток, и часть абазгов из Побережья на север, через перевалы. В то же время часть адыгских племён двинулась на юго-восток по Побережью.

Разрушается устойчивый пласт языкового фонда общения. Теперь, где бы они ни встречались, везде утрачена предшествующая диалектная непрерывность – в перемещение были вовлечены уже не контактировавшие до этого диалектные группы. Рождаются новые языковые конгломерации, не оформившиеся в отдельные языки – они были разбросаны неравномерно

между языками. Это то, что стало расплывчатым лексическим фондом, трудно относимым к определённому этноязыку, существуя в языковом поле.

Данному положению сослужило недобрую службу и то, что словари абазинского языка практически заброшены, отсутствуют работы по их дополнению словами из народного обихода. Кроме факта дополнения действующего словаря (В.Б. Тугова) темами из словарей: «Абазинско-русско-латинский биологический словарь» П.И. Лафишева; «Орфографический словарь абазинского языка» Н.Т. Табуловой (правда, без расшифровок), выполненных И.В. Какупшевым на базе разработанного им интерактивного варианта словаря.

В целом краткая история словарей абазинского языка отображает их слабое наличие в письменной культуре абазин. Первым абазинским словарём (40 слов) можно назвать краткие путевые записи Эвлия Челеби, посетившего садзов в 1641 году. За ним следует «Краткий абазинско-русский словарь» (270 слов), относимый к языку абазин Кубани, составленный И. Гюльденштедтом (1772 год), дополненный Ю. Клапротом в 1808 году. Первый русско-абазинский словарь (около 2000 слов) составлен декабристом В.П. Романовым в 1827 году на базе полевых материалов, собранных им.

Второй русско-абазинский словарь выходит в 1956 г. под редакцией Х.Д. Жирова и Н.Б. Экба, но не становится «настойной книгой» абазин. Причина – несопоставимость набора малоупотребительных и сложных понятий русского языка (30 тыс.), с абазинским лексиконом (не более 14 тыс.). Собственно, как и в других младописьменных языках СССР того периода.

Требовалось сопоставить фонд сохранённой лексики абазинского языка с русскими синонимами. Задача была выполнена группой абазинских просветителей под редакцией В.Б. Тугова (1967 год). Представили 14000 слов, где абазинскими словами из древнего лексикона, являются 10390 слов, остальные – заимствованные. Но этого чрезвычайно мало для отображения активного лексикона абазин.

Вышли в свет за это время ещё несколько словарей специальной тематической направленности, оставившие определённый след в культуре абазин. Среди них: Пазов С.У. «Фразеологический словарь абазинского языка» (1900 един.); Ионова С.Х. «Абазинская топонимия» (2500 топонимов); Табулова Н.Т. «Диалектологический словарь»; «Русско-абазинский словарь общественно-политический терминологии» (Кишмахов М.Ю. и др.).

Наиболее полным абазинским словарём является «Орфографический словарь абазинского языка» Н.Т. Табуловой, изданный в 1992 году. Показано около 40000 слов (возможно, из рукописей отца, в фиксации которых могли принимать участие многие абазинские просветители того времени). При «очистке» от заимствований, предстанут около 34-36 тыс. абазинских слов. Слов, в своём большинстве, из древнего лексикона языка ашуйцев, позже и абазгов (в общем поле языка Абаза). Правда, здесь многие единицы слов представлены вне словарной формы.

Он был составлен для людей, владеющих разговорной речью абазинского языка начала 20 века, где присутствовали многие архаизмы и историзмы, исчезнувшие в современной речи. Восстановить их до «Голкового словаря» с раскрытием каждого слова до его этимологической глубины, затруднительно. Но необходимо! Видимо, эта работа стала основой для разработки абазинско-русского словаря группой абазинских учёных, одновременно, и их проблемой. Отчего выход этого словаря затягивается на многие и многие годы, видимо, без перспективы её выхода в свет.

Следующий словарь – «Абазинско-русско-латинский биологический словарь» П.И. Лафишева (2000 год). Около 1500 названий растений (около 600 видов, и около 900 их синонимов из диалектов, и говоров отдельных аулов), идентифицируются синонимами русского и латинского языков. Словарь сохранил для современного языка абазин тысячелетний набор названий элементов флоры, отмеченных предками.

Итак, предлагается на начальном этапе: то ли выполнение подобной программы ВААК; или же на энтузиазме отдельных людей реализовать следующую задачу – целенаправленно собирать лексический фонд языка абазин, закрепив его в толковом словаре (25-30 тыс. слов). Сюда включить обобществлённую лексикостатику адыгейско-кабардино-черкесского фонда базовых слов, наряду с элементами фонда абхазских словарей, аналитически относимых к архаике абазинского языка. (Работа начата в двухтомнике Т.А. Муртазова: «История этноса Абаза и состояние его языка»).

Успехов нам всем на данном поприще!